

Падение, вызванное отчаянием,
И без достижений
Приводит к новому пробуждению:
Которое — возрождение отчаяния.

Чего мы не можем достичь,
Что запрещено нам любить,
Что потеряли мы в ожидании —
За этим следует падение,
Бесконечное и неудержимое.

Уильям Карлос Уильямс. Патерсон

Этим не заставить тебя вернуться домой, теперь?
Этим не заставить тебя вернуться домой?
Все Божьи дети после странствий устают.
Этим не заставить тебя вернуться домой?

*Джо Саут**

* Джо Саут (1940–2012, настоящее имя Джо Саутер) — американский кантри- и поп-рок-музыкант, автор и исполнитель песен.

Глава 10

ВОССОЕДИНЕНИЕ

1

Билл Денбро берет такси

Телефон звенел, будил и вырывал из сна, слишком глубокого для сновидений. Он принялся искать телефонный аппарат, не открывая глаз, проснувшись не больше чем наполовину. Если б звонки прекратились, он бы тут же провалился в сон. Сделал бы это просто и легко, как когда-то спускался по заснеженным склонам в Маккэррон-парк на своем Маневренном летуне*. Бежишь с санками, бросаешься на них и летишь вниз... чуть ли не со скоростью звука. Взрослым такого не делать — отобьешь яйца.

Пальцы его прошли по диску, соскользнули, поднялись обратно. Было у него смутное предчувствие, что звонит Майк Хэнлон. Майк звонит из Дерри, чтобы сказать, что он должен вернуться, сказать, что он должен вспомнить, сказать, что они дали обещание, Стэн Урис разрезал им ладони осколком бутылки из-под колы, и они дали обещание...

Только все это уже произошло.

Он прибыл вчера, во второй половине дня. Почти в шесть вечера, если точнее. Если Майк позвонил ему

* Маневренный летун — первые в мире управляемые санки. Созданы американским изобретателем Сэмюэлем Лидсом Алленом (1841–1918), получившим на них патент в 1889 г.

6 последнему, предположил он, то все остальные тоже должны были добраться в самое разное время; некоторые, возможно, провели здесь целый день. Сам он никого не видел, не хотел никого видеть. Просто зарегистрировался в отеле, поднялся в свой номер, заказал ужин через бюро обслуживания, понял, что не сможет ничего съесть, как только ужин поставили перед ним, потом улегся в кровать и крепко, без сновидений, спал до этого самого телефонного звонка.

Билл разлепил один глаз и поискал телефонную трубку. Она упала на прикроватный столик, и он потянулся к ней, одновременно открывая второй глаз. В голове царил полная пустота, он напрочь оторвался от реальности, действовал на автомате.

Наконец ему удалось ухватить телефонную трубку. Он приподнялся на локте, поднес ее к уху.

— Алло?

— Билл? — Голос Майка Хэнлона, по крайней мере в этом он не ошибся. На прошлой неделе он вообще не помнил Майка, а теперь одного слова хватило, чтобы узнать его. Довольно-таки удивительно... но не предвещало ничего хорошего.

— Да, Майк.

— Так я тебя разбудил?

— Да, разбудил. Все нормально. — На стене над телевизором висела отвратительная картина: рыбаки в желтых дождевиках вытаскивали сети с лобстерами. Глядя на нее, Билл понял, где находится. «Дерри таунхаус», Верхняя Главная улица. В полумиле по этой улице и на другой стороне Бэсси-парк... Мост Поцелуев... Канал. — Который час, Майк?

— Без четверти десять.

— Какой день?

— Тридцатое. — В голосе Майка слышалось некоторое удивление.

— Понятно. Хорошо.

— Я подготовил встречу в узком кругу. — Теперь голос Майка изменился.

— Да? — Билл перекинул ноги через край кровати. — Приехали все? 7

— Все, кроме Стэна Уриса, — ответил Майк. И что-то в его голосе оставалось Биллу непонятным. — Бев прибыла последней. Поздно вечером.

— Почему ты говоришь, последней, Майк? Стэн может подъехать сегодня.

— Билл, Стэн мертв.

— Что? Как? Его самолет...

— Ничего такого, — прервал его Майк. — Послушай, если ты не возражаешь, я думаю, лучше подождать, пока мы не соберемся вместе. Тогда я смогу все рассказать сразу всем.

— Его смерть связана с этим?

— Думаю, да. — Майк помолчал. — Я уверен, что связана.

Билл вновь ощутил знакомую тяжесть ужаса, от которого сжимается сердце — к этому так быстро привыкаешь? Или ты всегда носил его в себе, только не чувствовал и не задумывался, как не задумываешься о неизбежности собственной смерти?

Он потянулся за сигаретой, затаился и потушил спичку, выдохнув дым.

— Никто вчера друг с другом не виделся?

— Нет... уверен, что нет.

— И ты еще никого не видел?

— Нет... тебе звоню первому.

— Ладно. Где собираемся?

— Ты помнишь то место, где был Металлургический завод?

— На Пастбищной дороге?

— Ты отстал от жизни, старина. Теперь это Торговая дорога. У нас там построен третий из самых больших торговых центров штата. «Сорок восемь магазинов под одной крышей для вашего удобства».

— Звучит очень по-а-а-американски, это точно.

— Билл?

— Что?

— Ты в порядке?

— Да. — Сердце билось очень уж часто, кончик сигареты чуть подрагивал. Он заикался. И Майк это услышал.

Последовала короткая пауза, которую прервал Майк:

— Сразу за торговым центром построили ресторан, «Нефрит Востока». У них есть банкетные залы. Вчера я один и снял. Вся вторая половина дня наша, если мы захотим.

— Думаешь, нам потребуется столько времени?

— Я просто не знаю.

— Такси меня туда довезет?

— Безусловно.

— Хорошо. — Билл записал название ресторана в блокнот, лежавший у телефона. — Почему там?

— Наверное, потому, что он новый, — говорил Майк медленно. — Вроде бы... даже не знаю...

— Нейтральная территория? — предложил Билл.

— Да. Пожалуй, что так.

— Готовят вкусно?

— Не знаю. А как у тебя аппетит?

Билл подавился дымом, то ли рассмеялся, то ли закашлялся.

— Не так чтобы очень, дружище.

— Да, я тебя понял.

— В полдень?

— Лучше в час дня. Чтобы дать Беверли выспаться.

Билл затушил окуроч.

— Она замужем?

Майк опять замаялся.

— Все узнаем при встрече.

— Как будто возвращаешься на встречу выпускников через десять лет после окончания школы. Чтобы увидеть, кто растолстел, кто полысел, у кого де-дети.

— Надеюсь, так и будет, — вздохнул Майк.

— Да. Я тоже, Майки, я тоже.

Он положил трубку, потом долго стоял под душем, заказал завтрак, но только поковырялся в тарелке. Да,

его аппетит определенно оставлял желать лучшего.

9

Билл набрал номер «Биг йеллоу кэб компани» и попросил прислать машину без четверти час, полагая, что пятнадцати минут вполне хватит для того, чтобы добраться до Пастбищной дороги (не мог он думать о ней как о Торговой дороге, даже увидев Торговый центр собственными глазами), но недооценил плотность транспорта в обеденный час... и насколько разросся Дерри.

В 1958-м это был обычный город, не более. В территориальных границах Дерри жили порядка тридцати тысяч человек и еще семь — в прилегающих городках.

Теперь Дерри превратился в действительно большой город, конечно, не такой, как Лондон или Нью-Йорк, но очень даже внушительный по меркам штата Мэн, в самом крупном городе которого, Портленде, население не превышало триста тысяч человек.

И пока такси медленно ползло по Главной улице («*Мы сейчас над Каналом, — думал Билл. — Его не видно, но он внизу, вода бежит в темноте*»), а потом повернуло на Центральную, предугадать первую мысль Билла не составляло труда: как же все изменилось. Но предсказуемая мысль сопровождалась сильным разочарованием, чего он никак не ожидал. Детство он помнил как пугающее, тревожное время... и не только из-за лета 1958 года, когда они семеро столкнулись лицом к лицу с кошмаром, но и из-за смерти Джорджа, из-за глубокой летаргии, в которую впали родители после этой смерти, из-за непрерывных насмешек над его заиканием, из-за того, что Бауэрс, Хаггинс и Крисс постоянно выслеживали их после той перестрелки камнями в Пустоши,

(Бауэрс, Хаггинс и Крисс, ё-моё, Бауэрс, Хаггинс и Крисс, ё-моё)

и от ощущения, что Дерри — холодный, Дерри — бесчувственный, Дерри глубоко плевать, жив кто-то из них или умер, Дерри без разницы, взяли они верх или нет над Пеннивайзом-Клоуном. Жители Дерри так долго

10 жили с Пеннивайзом во всех его обличьях... и, возможно, каким-то безумным образом начали понимать его. Он им нравился, они в нем нуждались. Любили его? Возможно. Да, возможно и такое.

Но с чего это разочарование?

Только потому, что изменения такие стандартные? Или потому, что для него Дерри лишился своего своеобразия.

Кинотеатр «Бижу» исчез, его место заняла автостоянка («ВЪЕЗД СТРОГО ПО ПРОПУСКАМ, — гласила надпись над воротами. — АВТОМОБИЛИ НАРУШИТЕЛЕЙ БУДУТ ЭВАКУИРОВАНЫ»). Исчезли и располагавшиеся рядом «Корабль обуви» и ресторан «Ленч у Байли». Их заменило отделение Северного национального банка. Цифровое табло на фасаде из шлакоблоков показывало время и температуру, последнюю по шкалам Фаренгейта и Цельсия. «Аптечный магазин на Центральной», логово мистера Кина, где Билл в тот день добыл лекарство от астмы для Эдди, тоже исчез. Переулок Ричарда превратился в некий гибрид между улицей и небольшим торговым центром. Читая вывески, пока такси стояло на светофоре, Билл выяснил, что там располагались магазины звукозаписи, натуральных продуктов, игр и игрушек. Плакат в витрине последнего сообщал о том, что идет полная распродажа «ПОДЗЕМЕЛИЙ И ДРАКОНОВ».

Такси рывком продвинулось вперед, остановилось.

— Быстро не доберемся, — предупредил таксист. — Хотелось бы, чтобы все эти чертовы банки разнесли на время обеда. Пардон за мой французский, если вы религиозный человек.

— Все нормально, — ответил Билл. Небо давно затянули облака, а теперь несколько капель дождя упали на лобовое стекло. Радиоприемник что-то бормотал о душевнобольном, который откуда-то сбежал и очень опасен, потом забормотал о «Ред сокс», которые никакой опасности не представляли. В середине дня пообещали ливни, потом прояснение. Когда Барри Манилоу

застонал о Мэнди, которая пришла и дала, ничего не взяв, таксист выключил радио.

11

— Когда они появились? — спросил Билл.

— Кто? Банки?

— Да.

— В конце шестидесятых — начале семидесятых по большей части, — ответил таксист, крупный мужчина с толстой шеей. В клетчатой черно-красной охотничьей куртке. Флуоресцирующая, оранжевая, запачканная машинным маслом фуражка плотно сидела на голове. — Они захапали все эти деньги на обновление города. Обещали, что реализация этого плана пойдет на пользу всем. В итоге нас всех ободрали как липку. Зато появились банки. Знаете, они могли позволить себе появиться. Черт бы их побрал. Обновление города, говорят они. Усратья и не жить, говорю я. Пардон за мой французский, если вы религиозный человек. Столько говорили о том, что центр города обретет новую жизнь. Да уж, классно они его оживили. Снесли большинство старых магазинов и построили банки и автостоянки. И знаете, место для парковки найти по-прежнему невозможно. Надо бы повесить весь Городской совет за их концы. За исключением этой Полок, конечно, ее повесить за сиськи. Да только у нее их, похоже, нет. Плоская как доска. Пардон за мой французский, если вы религиозный человек.

— Религиозный, — улыбнулся Билл.

— Тогда выметайтесь из моего такси и идите в гребаную церковь, — воскликнул таксист, и они оба расхохотались.

— Живете здесь давно? — спросил Билл.

— Всю жизнь. Родился в Городской больнице Дерри, и мои гребаные останки похоронят на кладбище «Гора надежды».

— Хорошее дело.

— Да, конечно, — кивнул таксист. Отхаркнул, опустил стекло, выплюнул в дождь здоровенный зелено-желтый комок. Такое отношение к жизни, противоре-

12 чивое, но привлекательное, почти игривое, Билл называл «мрачным весельем». — Парню, который его поймает, неделю не придется покупать жевательную резинку. Пardon за французский, если вы религиозный человек.

— Не так уж город и изменился. — Наводящая тоску череда банков и автостоянок оставалась позади по мере того, как они продвигались вверх по Центральной улице. Вершина холма, Первый национальный банк, и они начали прибавлять в скорости. — «Аладдин» на месте.

— Да, — согласился таксист. — Но только чудом. Эти уроды хотели снести и его.

— Ради еще одного банка? — спросил Билл, и какая-то его часть удивилась, обнаружив, что другая его же часть пришла в ужас от этой мысли. Он не мог поверить, что человек в здравом уме захотел бы снести этот величественный храм радости, с куполом и сверкающей люстрой, с левой и правой лестницами, спиралями поднимающимися на балкон, с гигантским занавесом, который не просто расходился в стороны, когда начинался фильм, а волшебными складками и сборками поднимался наверх, подсвеченный различными оттенками красного, и синего, и желтого, и зеленого, тогда как приводные механизмы за сценой трещали и скрипели. *«Только не «Аладдин»!* — выкрикнула шокированная часть. — *Как они могли даже подумать о том, чтобы срыть «Аладдин» ради БАНКА!»*

— Ага, банка! — кивнул таксист. — Верно, гребанный насрать, pardon за мой французский, если вы религиозный человек. «Первый торговый округа Пенобскот» положил глаз на этот участок. Они хотели убрать кинотеатр и возвести на этом месте «банковский центр, предлагающий населению весь спектр услуг». Получили от Городского совета все необходимые бумаги, так что «Аладдин» был обречен. Но потом местные жители, те, что давно здесь жили, образовали комитет. Они подавали петиции, они маршировали, орали, наконец, доби-

лись от Городского совета проведения общественных слушаний, и Хэнлон размазал этих уродов по стенке. — В голосе таксиста слышалось глубокое удовлетворение.

— Хэнлон? — вздрогнув, спросил Билл. — Майк Хэнлон?

— Он самый. — Таксист на мгновение повернул голову, чтобы взглянуть на Билла. Круглое раздраженное лицо, очки в роговой оправе, на дужках давно засохшие капли белой краски. — Библиотекарь. Чернокожий. Вы его знаете?

— Знал, — ответил Билл, вспомнив, как встретил Майка в июле 1958-го. И к этому приложили руку Бауэрс, Хаггинс и Крисс... разумеется. Бауэрс, Хаггинс и Крисс

(вай-вай)

не давали им прохода, играли свою роль, сами того не желая, давили на них семерых, сжимая в единое целое... сильно, сильнее, еще сильнее. — Мы вместе играли в детстве. До того как я уехал.

— Это ж надо, — покачал головой таксист. — Маленький гребанный мирок, пардон...

— ...за мой французский, если вы религиозный человек, — закончил за него Билл.

— Это ж надо, — повторил таксист, и какое-то время они ехали молча, а потом он снова заговорил: — Дерри, конечно, сильно изменился, но многое осталось как прежде. Отель «Дерри таун-хаус», куда я за вами подъезжал, Водонапорная башня в Мемориальном парке. Вы помните это место, мистер? В детстве мы думали, что там живут призраки.

— Я помню.

— Посмотрите, больница. Узнаете ее?

Городская больница находилась по правую руку от них. За ней река Пенобскот спешила к месту встречи с Кендускигом. Под сочащимся дождем весенним небом река отливала цветом тусклого олова. Больницу Билл помнил — выкрашенное в белый цвет деревянное

14 здание с двумя крыльями, по три этажа каждое. Оно стояло на прежнем месте, но теперь как-то сжалось, скукожилось, окруженное новыми десятью, может, даже двенадцатью корпусами. Слева располагалась автостоянка, и на ней стояли не меньше пяти сотен автомобилей.

— Господи, это не больница на хрен, а кампус какого-нибудь колледжа!

Таксист хохотнул.

— Я человек не религиозный, поэтому прощаю вам ваш французский. Да, больница теперь почти такая же большая, как Восточная мэнская в Бангоре. У них и радиологическое отделение, и терапевтический корпус, и шестьсот палат, и своя прачечная, и еще бог знает что. Старая больница еще остается, но в ней теперь размещается администрация.

Билл вдруг ощутил странное раздвоение, такое с ним уже случалось, когда он впервые смотрел стереоскопический фильм и пытался совместить два изображения, которые не совпадали полностью. Он помнил, что обмануть глаза и мозг как-то удалось, но расплачиваться пришлось жуткой головной болью... и чувствовал, как головная боль спешила к нему и теперь. Новый Дерри — это хорошо. Но старый Дерри тоже никуда не делся, как деревянное здание Городской больницы. Старый Дерри по большей части похоронили под всей этой новизной... но глаз стремился взглянуть на него... выискивал его.

— Грузового двора, вероятно, тоже уже нет, так? — спросил Билл.

Таксист снова рассмеялся:

— Для человека, который уехал отсюда ребенком, у вас очень хорошая память, мистер («Тебе бы встретиться со мной на прошлой неделе, — подумал Билл, — мой франкоговорящий друг»). — Он на месте, но теперь это развалины и ржавые рельсы. Там не останавливаются и товарные поезда. Один парень хотел его купить и построить на его месте спортивный парк — поле для

гольфа, тренировочные площадки для бейсбола, площадка для мини-гольфа, автодром, трасса картинга, павильон видеоигр, наверняка что-то еще, я просто не знаю, но возникла какая-то путаница с собственником земли. Я думаю, этот парень свое получит, он настойчивый, но пока идет судебное разбирательство.

— И Канал, — пробормотал Билл, когда они свернули с Внешней Центральной улицы на Пастбищную дорогу, которая, как и говорил Майк, называлась, согласно зеленому щиту-указателю, Торговой дорогой. — Канал-то по-прежнему здесь.

— Да, — ответил таксист. — И, думаю, будет здесь всегда.

Теперь слева от Билла тянулся Торговый центр Дерри, и пока они проезжали мимо него, Билл вновь ощутил это странное раздвоение. Двадцать семь лет назад на месте центра простиралось большое, длинное поле, заросшее высокой травой и гигантскими качающимися подсолнухами, которые «помечали» северо-восточный край Пустоши. За ней, на западе, находился Олд-Кейп, жилой район для малоимущих. Он помнил, как они исследовали это поле, стараясь не подходить близко и не упасть в провал — огромную дыру в земле, образовавшуюся на месте Металлургического завода Китчнера, который взорвался в пасхальное воскресенье 1906 года. Поле хранило множество реликвий, и они откапывали их с заинтересованностью археологов, обследующих египетские руины: кирпичи, черпаки, куски железа с ржавыми болтами, осколки стекла, бутылки, наполненные какой-то безымянной жижей, и воняла она, как самая жуткая отравка этого мира. Что-то плохое случилось неподалеку от этого места, в гравийном карьере, расположенном около свалки, но пока Билл не мог вспомнить, что именно. Пока он помнил только имя, Патрик Гумбольдт, и вроде бы к этой истории какое-то отношение имел холодильник. И еще птица, которая преследовала Майка Хэнлона. Что?..